

Новая тунисская модель управления

Помощник государственного секретаря Том Малиновски
Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений
Тунис, Тунис
2 сентября 2015 года

Благодарю вас за радушный прием. Для меня большое удовольствие побывать в Тунисе и особенно здесь, в Средиземноморской школе бизнеса.

За последние три дня я встретился с премьер-министром Эссидом и другими членами правительства и парламента, чтобы обсудить проводимые в Тунисе реформы и серьезные проблемы в сфере экономики и безопасности, стоящие перед страной. От лидеров гражданского общества я узнал о сложности их работы – от предоставления необходимых услуг в общинах до установления связи граждан с избранными представителями и продвижения реформ, которые призваны оградить молодежь от радикализации и поддержать ее участие в общественной жизни.

Я убедился, что, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается Тунис, страна во многих отношениях готова к достижению успеха. История и опыт Туниса в деле построения свободного гражданского общества (некогда признанного самым жизнеспособным в регионе), его историческая роль ведущего защитника прав женщин в регионе, его многочисленный средний класс и приверженность демократической политике и расширению экономических возможностей для своего народа – все это позволяет Тунису двигаться по обнадеживающему пути демократической консолидации.

Некоторые могли бы сказать, что все, чего Тунис достиг с 2011 года, представляет собой естественную реализацию перспектив, возникших в результате революции в стране. Когда в январе того года Бен Али бежал из страны, а требования уважать человеческое достоинство, вдохновленные поступком торговца фруктами из Сиди-Бузида, эхом зазвучали по всему Ближнему Востоку, мало кто из нас верил, что дорога к демократии и добросовестному управлению в этом регионе будет легкой, но большинство питали надежду, что возврата к прошлому уже не произойдет. Разумеется, в тирании и стагнации, которые предшествовали «арабскому пробуждению», не было ничего естественного. Противоестественно, когда любой человек, здесь или в

другом месте, терпеливо сносит запрет думать или говорить то, во что он верит, или мирится с тем, что решения, затрагивающие его жизнь, принимаются без учета его мнения. Я полагаю, большинство людей понимали, что устои региона «проваливаются в песок», как выразилась в 2010 году бывший государственный секретарь Хиллари Клинтон; когда возникла возможность для создания более ответственных правительств, у нас появилась надежда, что они будут построены на более прочной основе.

Мои собственные надежды достигли своего апогея в апреле 2011 года, когда я ехал на машине из Египта через Восточную Ливию, – как раз в тот момент, когда разворачивалось восстание против режима Каддафи. Я остановился в приморском городе Дерна, где стены были исписаны граффити с призывами к революционной умеренности, чего я не видел еще ни разу в своей жизни. Один лозунг гласил: «Нет экстремизму!»; другой – «Нам нужна правовая страна». Никто из тех, кого я встречал в Дерне, Бенгази, Тобруке или позднее в том же году во время поездки в Триполи, никто не хотел, чтобы на смену тирании пришел терроризм, – и это касалось многих людей, исповедующих глубоко консервативную форму политического ислама. Они рассматривали Каддафи и «Аль-Каиду» как две стороны одной и той же тоталитарной монеты и хотели избавиться от любого, кто навязывает им жесткую идеологию. Они хотели, чтобы правительство создавало для них возможности и обеспечивало процветание, прислушивалось к их чаяниям, следило за соблюдением законности и само чтит законы, а в остальном предоставляло им право мирно заниматься своими делами. Именно в этом состояла их надежда, и я полагаю, что ее разделяли большинство молодых людей, которые в 2011 году подняли восстание, охватившее территории от Туниса до Бенгази, от Каира до Манамы и Алеппо.

Четыре года спустя на большей части региона эта надежда так и не осуществилась. В Египте многие из молодых лидеров, собравшихся в 2011 году на площади Тахрир, сейчас сидят в тюрьме за нарушение закона, который, по сути, запрещает мирные собрания, а экстремистские повстанцы продолжают совершать террористические атаки против подразделений безопасности и вооруженных сил на Синайском полуострове. В Сирии Асад ответил на мирные протесты артиллерийским огнем и воздушными ударами, результатами которых стали горы трупов и формирование основы для развития экстремизма. В этом котле образовалась новая террористическая группировка, которая

рассматривает массовые убийства и сексуальное рабство в качестве подвигов, которыми можно кичиться в социальных сетях. В Йемене свергнутый диктатор с помощью сектантства и региональных распри пытается вновь пробраться к власти, расширяя простор для действий «Аль-Каиды» и усугубляя страдания своего народа. И Дерна, этот ливийский город, который я посетил в 2011 году, в прошлом году был захвачен небольшой группой экстремистов, которые немедленно принялись убивать адвокатов, судей, госслужащих, защитников прав человека – всех, кто готов бороться за верховенство закона против права вооруженной силы.

Четыре года – очень малый срок. Еще слишком рано говорить о том, каким будет итог «арабского пробуждения», переживаем мы неизбежно болезненный период перехода к более стабильному, справедливому и демократическому порядку или же времена полного развала порядка. Но ставки, несомненно, стали ясны. И вот как вижу их я. В результате турбулентных событий «арабского пробуждения» возникли две модели управления: одна из них представлена в Тунисе, а другая – в ИГИЛ. Мы глубоко заинтересованы в том, чтобы первая модель расцвела, а вторая – потерпела крах.

Сейчас может показаться несправедливым, что такое бремя ложится на вашу молодую демократию, что так много надежд в регионе зависит от вашего успеха, особенно с учетом трудностей, с которыми вы сталкиваетесь здесь, в Тунисе. Но это неоспоримая истина. И сегодня я хочу подчеркнуть, что это бремя в равной степени ложится на плечи друзей и партнеров, которые должны помочь вам, поскольку все мы глубоко заинтересованы в вашем успехе.

При этом нам приходится решать две неотложные проблемы.

Во-первых, это проблема удовлетворения основных экономических ожиданий того поколения, которое взяло на себя смелость потребовать создания более эффективного и отзывчивого правительства. Накануне революции экономическая система Туниса была неспособна обеспечить занятость молодежи, не могла гарантировать, что процессы развития и ресурсы достигнут наиболее уязвимых граждан, и не была готова помешать людям, находящимся у власти, злоупотреблять ею в ущерб своему народу. Все эти три фактора сыграли непосредственную роль в отчаянном поступке Мохаммеда Буазизи в декабре 2010 года.

Сегодня Тунис взял на себя обязательство исправить это положение. Но перед правительством по-прежнему стоит масса нерешенных проблем. Уровень безработицы в Тунисе остается высоким, особенно среди молодежи. Сохраняется глубокое региональное неравенство с точки зрения развития, инфраструктуры и существующих возможностей. От терактов в Бардо и Сусе сильно пострадал туризм.

В течение последних трех дней я успел заметить, что тунисские руководители, представляющие все сегменты политического спектра, объединяются для решения этих экономических проблем. Они стремятся провести реформы, которые оздоровят экономику, создадут новые рабочие места, стабилизируют бизнес-климат и сформируют стимулы для торговли. И Соединенные Штаты оказывают содействие этому процессу.

США вложили 60 миллионов долларов в создание Тунисско-американского фонда предпринимательства, который дает ссуды и осуществляет частные акционерные инвестиции в малый бизнес. Цель этой деятельности заключается в том, чтобы предоставить предпринимателям возможность создавать рабочие места.

В рамках Стипендиальной программы Томаса Джефферсона объемом 20 миллионов долларов мы профинансировали обучение более чем 400 тунисцев в университетах и общественных колледжах США в областях, имеющих большое значение для экономического успеха Туниса.

Наши программы технического содействия помогают Тунису в реформировании налоговой, банковской и таможенной систем для привлечения иностранных инвестиций и создания среды, в которой коммерческие предприятия смогут процветать и обеспечивать экономический рост.

И, возможно, наиболее важным вкладом США стала поддержка двух государственных кредитов на общую сумму 985 миллионов долларов, которые помогли тунисскому правительству получить доступное финансирование от международного капитала. В мае, во время визита президента Эссеси в Вашингтон, президент Обама сказал, что США могли бы рассмотреть возможность предоставления третьей гарантии на сумму до 500 миллионов долларов, если она потребуется Тунису для поддержания экономического роста и продвижения проводимой программы реформ.

Эти шаги представляют собой стратегические инвестиции в будущий успех Туниса. Таким образом, мы помогаем Тунису обеспечить сбалансированное, инклюзивное экономическое развитие, которое необходимо ему для удовлетворения потребностей своего народа и поступательного продвижения экономики.

Вторая серьезная проблема, стоящая перед Тунисом, заключается в террористической угрозе.

Как можно построить свободное общество, сосредоточиться на длительной, трудоемкой, сложной задаче создания демократических парламентов и партий, судов и полицейских формирований, когда тебя вновь и вновь атакуют террористы, помешанные на массовом убийстве? Американцы знают, что испытали тунисцы после терактов в Бардо в марте и в Сусе в июне. Но когда на нас напали 11 сентября 2001 года, нам не приходилось одновременно бороться за создание новой системы управления; ваша проблема неизмеримо сложнее.

И мы знаем: когда общество подвергается атакам таких сил, вполне естественно, что некоторые люди могут сказать: «Сейчас не время думать о правах человека, справедливых судах или демократических выборах. В первую очередь следует подумать о том, чтобы защитить себя» После всего, что произошло в этом регионе с 2011 года, вполне естественно, что некоторые люди говорят: «Да, изменения необходимы, да, демократия – это хорошо, но посмотрите, что произошло в Сирии и Ливии. Мы не можем позволить, чтобы это случилось и у нас».

Чувства страха, гнева и решимости дать отпор атакам террористов-смертников и бандитов очень легко могут уступить место антидемократическому рефлексу. Этот рефлекс приводит к тому, что люди начинают вершить самосуд над теми, кто подозревается в преступлениях, вместо того чтобы справедливо судить тех, кто действительно их совершает. Этот рефлекс душит свободу слова для большинства ради противодействия дурному влиянию немногих. Этот рефлекс заставляет приравнивать мирную политическую оппозицию к насильственному политическому экстремизму.

В США знакомы и с *таким* видом рефлекса. После 11 сентября мы усовершенствовали имеющиеся средства безопасности, вооруженные силы и подразделения разведки, улучшили координацию между

правоохранительными органами и стали преследовать тех, кто на нас напал, – и все это абсолютно справедливо.

Но при этом мы совершили и ряд ошибок. Мы расширили неконтролируемое наблюдение. Мы удерживали людей под стражей в Гуантанамо, не предъявляя им обвинений и не обеспечивая доступа к судам. И, как явствует из доклада, изданного нашим Сенатом в прошлом году, в течение нескольких лет после теракта 11 сентября мы, преследуя своих опаснейших врагов, прибегали к пыткам. Мы исправили эти ошибки, и я полагаю, что в результате наши демократические институты стали еще сильнее, чем прежде. Но в свое время эти действия шли вразрез с нашими ценностями. Каждый раз, когда мы пересекали черту, каждый раз, когда уступали антидемократическому рефлексу, мы постепенно утрачивали моральное право призывать других к принятию демократических методов и защите прав человека. И, что не менее важно, каждый раз, когда мы совершали такие ошибки, это, скорее, вредило, чем помогало в нашей борьбе с терроризмом. Это отчуждало сообщества, в чьем сотрудничестве мы нуждались для раскрытия и предотвращения террористических актов; это размывало моральные ориентиры, которые необходимо поддерживать для сохранения преимущества в этой борьбе.

Никакие обиды на власть не могут служить оправданием для терроризма, но терроризм рождается в результате тех обид, которые испытывают люди, отверженные своим правительством и обществом. Например, ИГИЛ возникло на почве глубокого недовольства иракских суннитов, уставших от десятилетия все более сектантского и неинклюзивного управления, а также в результате вакуума, который породили чудовищные преступления режима Асада в Сирии. Какую мысль внушает сегодня ИГИЛ на всем Ближнем Востоке молодым людям, которые с 2011 года стремятся к мирному созданию более справедливого и демократического общества? Эта мысль звучит так: «Ваши методы обречены на провал, вас лишат свободы, вас будут пытать, вас заставят замолчать, ничего не изменится. Мы же, те, кто прибегает к насилию, напротив – сильны, и победа будет за нами». Представьте, какой отклик может найти такой аргумент в тех частях региона, где террористы и мирные политические активисты фактически сидят сегодня в одних и тех же тюремных камерах. Между прочим, это же послание ИГИЛ обращено и к сторонникам политического ислама, которые отвергли насилие и возложили надежды на демократические

институты и выборы: «Ваш путь приведет вас к гибели; наш путь – это путь к победе». Именно поэтому было бы ошибочно приравнивать мирные исламистские партии к террористическим группировкам. Если мы станем одинаково относиться к их приверженцам, то со временем это все чаще будет оказываться правдой.

Поддаваясь антидемократическому рефлексу – придавая правовой статус исключениям из законов, защищающих наши свободы, подавляя мирное инакомыслие, бесчеловечно обращаясь с теми, кого мы лишаем свободы, – мы гасим надежды на возможность мирного урегулирования конфликтов. Как сказал президент Обама, «невозможность мирных демократических изменений укрепляет пропаганду террористов, утверждающих, что насилие – единственно возможный ответ». Кроме того, подобные злоупотребления отталкивают людей, чья помощь необходима нам для победы над террором. Едва ли не самая полезная информация, которую мы получаем о молодых людях, отправляющихся воевать за ИГИЛ и подобные группировки, поступает от их родственников, религиозных лидеров и других членов их сообщества. Но кто станет звонить в полицию, чтобы сообщить о своем друге, соседе или любимом человеке, зная, что этого человека будут пытаться или что после ареста он исчезнет?

Это не значит, что мы должны бездействовать перед лицом этой реальной угрозы. Мы должны быть непреклонны в борьбе с ней; просто следует понимать, что нельзя обеспечивать защиту своего народа в ущерб сохранению собственных ценностей; по сути, мы должны делать и то и другое, если хотим, чтобы победили мы, а не террористы.

Итак, как добиться, чтобы победили именно *мы*?

Прежде всего, мы должны привлечь к ответственности тех, кто выбрал насилие и террор, – и для этого порой приходится применять силу. И в этом отношении мы на сто процентов поддерживаем народ и правительство Туниса. В рамках сотрудничества с тунисским правительством в области безопасности – на которое с 2011 года было потрачено свыше 225 миллионов долларов – США помогают укреплять потенциал Туниса для противодействия внутренним и региональным угрозам, включая терроризм. То, что мы избрали Тунис в качестве главного союзника за пределами НАТО, свидетельствует о наших

совместных ценностях и способствует углублению сотрудничества в деле борьбы с терроризмом.

Наш второй подход заключается в создании культуры свободы в обществе, в защите права на свободное выражение мнений, в достижении открытости и репрезентативности институтов, а также в контроле над тем, чтобы институты безопасности, призванные защищать нас, на самом деле служили и защищали всех людей. Как сказал в прошлом месяце в Каире государственный секретарь Керри, «наш успех зависит от создания атмосферы доверия между властями и обществом и от предоставления тем, кто критически настроен по отношению к официальной политике, возможностей выразить свое несогласие мирно, посредством участия в политическом процессе».

Именно поэтому мы сотрудничаем с Тунисом, стараясь улучшить взаимодействие правоохранительных органов с общественностью, предотвратить возврат к практике применения пыток, а также оказать полиции помощь в разработке более эффективных средств сбора доказательств. Мы надеемся, что законы о противодействии терроризму позволят привлечь террористов к ответственности, не ограничивая при этом прав законопослушных граждан. Мы надеемся, что страна и впредь будет стремиться к достижению прозрачности, повышению ответственности и укреплению гражданских институтов – от парламента до гражданского общества, независимого от правительства, – для осуществления реального надзора.

Помимо прочего создание культуры свободы означает усиление роли гражданского общества. Тунис стал родиной первой правозащитной организации гражданского общества в арабском мире – Тунисской лиги прав человека (League Tunisien de Droits l'Homme). К сожалению, режим Бен Али применил все уловки и тактические приемы, имеющиеся в распоряжении диктаторов, чтобы ограничить деятельность организаций гражданского общества посредством юридических процедур и бюрократических барьеров – точно так же, как это до сих пор делают другие авторитарные правительства во всех частях этого региона.

Сегодня гражданское общество Туниса вновь обрело свободу. Опять возникают организации, вовлекающие людей в политическую и экономическую жизнь своей страны. Это организации, подобные «Аль-Бавсала», которая обеспечивает свободный доступ всех тунисцев к

информации о деятельности парламента и муниципальных органов власти. Это такие организации, как «Муракибун», которая в 2011 и 2014 годах направила более 3000 обученных и сертифицированных наблюдателей, чтобы они с помощью современных технологий в режиме реального времени сообщали о ходе выборов во всех областях Туниса и демонстрировали скептикам, какими должны быть открытые, свободные, справедливые и конкурентные выборы в арабской стране. Это такие организации, как WeYouth, помогающая молодым людям развивать лидерские качества и профессиональные навыки, обеспечивая их подготовку к работе в инклюзивной экономике, которую стремится построить Тунис.

Гражданское общество – это источник жизнестойкости общества, необходимой для борьбы с силами экстремизма. В Тунисе наблюдается бурный рост новых организаций гражданского общества, призванных воспрепятствовать радикализации населения. Эти организации направляют недовольство молодежи в позитивное русло и помогают семьям взаимодействовать с правительством для создания более эффективных законов и правил, которые позволят удержать молодых тунисцев от участия в боевых действиях в Сирии и Ираке.

Сегодня кое-кто в регионе заявляет, что организации гражданского общества, противостоящие насильственному экстремизму, – это, конечно, прекрасно, однако в отсутствие сдерживающих факторов свободное общество может скатиться в пропасть. Они утверждают, что гражданские свободы позволяют экстремистским силам выйти из сферы правительственного надзора и контроля. Они говорят, что чрезмерная свобода делает общество слабым, более уязвимым для этой угрозы.

Эти люди недостаточно хорошо понимают, кто такие террористы. Террористам не нужна свобода слова или собрания, чтобы ворваться в общественное здание и расстрелять находящихся там людей. Террористы знают, как обойти все ограничения, вводимые правительствами, все уловки, которые использовал Бен Али, чтобы подавить гражданское общество Туниса. На каждого блогера на Ближнем Востоке, которого арестовали за публикацию материала в «Фейсбуке» или за критику правительства в «Твиттере», на каждого директора организации гражданского общества, закрытой за принятие финансовой помощи из-за границы, найдется сотня реальных террористов, которые под прикрытием прокси-серверов и

вымышленных имен негласно вербуют последователей в чатах и перевозят через границы чемоданы, набитые наличными. Более того, террористы умеют эксплуатировать правительственную политику репрессий, подогревая недовольство населения рассказами о ней. Они используют эту политику как инструмент вербовки. Для процветания террористов не нужны гражданские свободы, напротив – они благоденствуют во мраке отсутствия свободы.

Кому же тогда *нужна* свобода?

- Свобода нужна молодым мужчинам и женщинам.
- Свобода нужна журналистам и ученым.
- Свобода нужна тем, кто маргинализован, кто существует за пределами экономического развития или политического влияния.
- Свобода нужна тем, кто пострадал от правительственной политики или коррупционной практики, кто стремится к переменам в политической системе.
- Свобода нужна тем, кто работает в своих сообществах для улучшения жизни людей, кто борется за совершенствование школ, за повышение безопасности на улицах и за увеличение числа рабочих мест – за то, что служит противовесом для экстремизма.
- Тем, кто умерен и миролюбив, кто отвергает насилие, кто приемлет толерантность и разнообразие, кто верит в то, что искренние религиозные убеждения должны стать руководящим принципом в общественной и политической жизни, – всем им нужна свобода, право голоса и право на участие в управлении.

Тунисская модель управления показала, как может работать такая система. Тунис продемонстрировал, каким образом в атмосфере свободы сторонники светского общества и исламисты, несмотря на глубокие противоречия, могут объединиться для достижения общей цели – решения общественных проблем. Мы стали свидетелями того, как в 2012 и 2013 годах, в самый разгар серьезного политического кризиса, «Ан-Нахда», «Нидаа Тунис» и другие политические партии объединились в рамках «национального диалога», подготовленного организациями гражданского общества, и, действуя в духе инклюзивности и компромисса, достигли консенсуса по ключевым

вопросам, по которым прежде занимали прямо противоположные позиции. Они договорились о новой демократической конституции. Они договорились о мирной передаче власти переходному правительству. Они договорились о необходимости продолжения свободных и справедливых выборов. Этот дух компромисса и инклюзивности сохранился и после выборов, когда была достигнута договоренность о поддержке правительства национального доверия. Именно в этом заключается огромное сравнительное преимущество Туниса – в его прогрессе на пути к демократии, в его приверженности политической инклюзивности, в пространстве, предоставленном гражданскому обществу (в том числе благодаря одному из самых прогрессивных законов об НПО в регионе), в его обещании передать власть местным общинам. Это именно те качества, которые отличают Тунис от многих других стран в этом регионе, которые привлекают на его сторону таких друзей, как США, и которые, в конечном счете, приведут к разгрому террора. Вот почему борьба с терроризмом должна служить делу сохранения демократических завоеваний и никогда не становится поводом для отступления от них.

Новая тунисская модель управления – модель, построенная на правах, политической инклюзивности и компромиссе, а также на институтах, основная деятельность которых заключается в защите интересов всего народа, – гораздо более трудна в реализации, чем альтернативная модель на другом конце спектра. Как подтверждают события, которые мы наблюдаем в других частях региона, гораздо легче разрушить страну, как это делают многие ваши соседи от Сирии до Йемена и Ливии, чем построить ее, как это делаете вы в Тунисе. Таким образом, если мы хотим, чтобы исполнились обещания, данные в 2011 году, – построение демократии и победа над терроризмом – нам потребуется еще одна очень важная вещь: реализм, порождающий терпение.

Авторитарные государства оставляют своим демократическим преемникам нелегкое наследие. Они оставляют после себя безжизненные институты; коррупционные сети и традиции; силы безопасности, обученные защищать государство, а не народ; население, имеющее минимальное представление – или вовсе не имеющее представления – о гражданском обществе. По мнению ученых, успешный переход от диктатуры к полной демократии с верховенством закона в среднем, при самых благоприятных обстоятельствах, занимает от 15 до 20 лет. И демократические преобразования требуют от

обычных граждан гораздо большего, чем то, к чему мы привыкли в давно существующих демократических государствах. В США для торжества демократии необходимо лишь, чтобы мы через определенное время приходили на избирательные участки для голосования. Нам не нужно брать в свои руки работу по созданию с нуля местных органов власти, по переподготовке своей полиции, по переписыванию законов, по принятию на работу новых судей, по созданию новых политических партий – и одновременно обеспечивать свои семьи и защищать себя от террористов или бочковых бомб.

Мы в США иногда забываем об этом. Мы восхищаемся, когда видим, как побеждают революции, организованные для защиты демократии и прав человека; мы мобилизуемся, чтобы поддержать их; мы стараемся соблюдать историческую справедливость. Затем, спустя несколько лет, когда самые высокие ожидания этих революционных моментов так и не сбываются, мы склоняемся к выводу о том, что даже скромные завоевания были маловероятны, и возвращаемся к поддержанию безрадостного порядка вещей, вместо того чтобы инвестировать и брать на себя риски, необходимые для смены этого порядка. Терпение не должно означать, что странам Ближнего Востока следует принять более низкий стандарт, чем тот, который мы используем у себя. Это не означает, что мы должны смириться с несправедливостью; никто из тех, кто сегодня подвергается пыткам или необоснованным арестам, не захочет, чтобы его попросили подождать, пока сменится поколение, для получения компенсации за причиненный ущерб. Нам просто нужно помнить, что неизбежные неудачи, которые встречаются каждый раз в процессе перехода к демократии, – это повод для еще более упорного труда, а не для капитуляции; нужно признать, что конечная цель будет достигнута не в одночасье и даже не за один срок правления нашей президентской администрации, но эта цель стоит того, чтобы стремиться к ней ровно столько, сколько потребуется для ее достижения.

Именно такое терпение и непреклонность мы полны решимости продемонстрировать в сотрудничестве с народом и правительством Туниса и всех прочих стран этого региона, где люди готовы трудиться ради свободы и торжества законности. Вы доказали, что прогресс возможен даже перед лицом самой серьезной опасности. Вы доказали, что необходимость прогресса обусловлена именно этой опасностью. Этот регион и весь мир нуждаются в успехе и распространении

тунисской модели, чтобы вы были не одиноки. И Соединенные Штаты гордятся тем, что поддерживают вас в неустанном принятии смелых и порой непростых решений, которых требует избранный вами демократический путь.